

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 394.262.5 + 398.332.42

Т. А. Круглова, Н. В. Саврас

НОВЫЙ ГОД КАК ПРАЗДНИЧНЫЙ РИТУАЛ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Рассматривается специфика Нового года в контексте советской эпохи. Показана преемственность новогоднего праздника с досоветским периодом, соотношение архаических, традиционалистских, социалистических (идеологических) значений в его структуре. Анализируется концепт сказочности в советской культуре, специфика новогодней сказки.

Ключевые слова: Новый год, праздничный ритуал, советский хронотоп, концепт сказочности.

В рамках исследования нас интересует Новый год как вид праздничного ритуала. Для начала определим соотношение ритуала и праздника. Праздник обязательно предполагает ритуальную составляющую, которая помогает отделить праздничное время и пространство от обыденности. Ритуал в самом общем смысле понимается сегодня общественными науками как фундамент социального порядка. О ритуализме повседневности немало написано (Г. Зиммель, Р. Мертон, А. Шюц). Известно множество определений ритуала в зависимости от задач той или иной гуманитарной науки. Воспользуемся пониманием ритуала в социологии. Как утверждает В. Фукс, ритуал — это «социально регулируемая, коллективно осуществляемая последовательность действий, которые не порождают новой предметности и не изменяют ситуацию в физическом смысле, а перерабатывают символы и ведут к символическому изменению ситуации» [цит. по: Ионин, 175]. Кроме широкого значения этого понятия, существует представление об институционализированных ритуалах, четко отграниченных от течения повседневности. Вся совокупность социальных и культурных ритуалов может быть классифицирована по самым разным основаниям: например, светские и религиозные, государственные и семейные, национальные

и групповые, коллективные и индивидуальные. Особый класс образуют ритуалы интенсивности. Этот термин введен американскими антропологами Чеплом и Куном для обозначения ритуалов, осуществляемых для того, чтобы противостоять нарушению равновесия групповой жизни и вообще повысить уровень групповой сплоченности [см.: Ионин, 181]. Чепл и Кун приводят в пример свадебный обряд или другое семейное торжество, на которое съезжаются все члены семьи. Мы предполагаем, что всякий институционализированный ритуал с большой степенью вероятности содержит в себе праздничные компоненты, так как его участники должны в результате испытывать сильный эмоциональный подъем.

Новый год занимает в системе праздников советского времени особое место. Это единственный ритуал, который был заимствован из старой России и не был связан с общественно-политической историей страны, взявшей точкой отсчета Великую Октябрьскую революцию. Став в эпоху позднего социализма праздником, где вся страна, собравшись у телевизоров, слушает поздравление главы верховной власти, Новый год эффективнее любой пропаганды выполнял задачу объединения людей вне возрастных, социальных, политических и национальных различий. На первый взгляд кажется, что этот «человеческий» праздник был неким исключением сначала в тоталитарной, а позднее и в авторитарной советской системе. Но именно огромная популярность этого праздника как раз и должна стать поводом для более внимательного исследовательского взгляда, так как прагматика власти при тоталитаризме не оставляет никаким культурным феноменам автономного смысла. Попробуем разобраться, какими значениями «оброс» Новый год в советское время.

Генетическая связь Нового года с проектом Просвещения

Российская традиция праздновать Новый год пришла с Запада вместе с петровской модернизацией и изначально несла в себе скрытый конфликт с древнерусской культурой, что характерно для всех начинаний эпохи Просвещения. Вместо религиозно-мифологического ритуального комплекса просвещенная элита внедряет рационально обоснованные, государственно-идеологические праздники. Сдвиг точки начала года должен был разрушить природно-циклическое представление о времени, присущее традиционному аграрному обществу, связать этот исток не с природой, а с культурой.

Новый год 1 января в Российской империи праздновали далеко не все подданные, поскольку он не был «самостоятельным праздником, он был частью рождественских празднеств, длившихся до Крещения» [Вахитов]. Новый год к тому же не был и массовым праздником. Его отмечали в кругу семьи, причем только в «барских» семьях. Крестьянам Новый год был чужд, как и все то «новое», чем развлекались люди высших слоев. Таким образом, важно зафиксировать, что Новый год не имел такой богатой народной и религиозно-ритуальной традиции, как другие русские праздники, что отчасти объясняет возможность его внедрения в советскую праздничную культуру, стремящуюся создавать собственные новые ритуалы.

Первоначально после Октябрьской революции Новый год ушел на задворки вместе с Рождеством. Как семейные ритуалы, эти события никто не отмечал, но на них лежал отпечаток «дикарскости», «поповскости»; бытовало мнение, что с елки как символа праздника «начинается религиозность детей» [см.: Душечкина, 2002]. Использование новогоднего символического капитала началось в период сталинской модернизации. В газете «Правда» (1935, 28 дек.) был напечатан призыв П. Постышева: «Комсомольцы, пионер-работники должны под Новый год устроить коллективные елки для детей. В школах, детских домах, во Дворцах пионеров, в детских клубах, в детских кино и театрах — везде должна быть детская елка!» [Там же] Так началась история советского Нового года, а окончательно праздничный канон сложился к началу 1960-х гг.

Коллективный характер празднования советского Нового года: семья и государство

Ключевым словом в призыве 1935 г. является слово «коллективные». Как уже было сказано выше, в досоветской России празднование Нового года носило семейный характер. Устраивались, конечно, елки, например, для детей друзей семьи, а с 1852 г. проводились публичные елки, но они не носили такого размаха, как елки советские.

Праздничный ритуал — важнейший способ формирования «коллективных тел» [см.: Рыклин, 2006], «большой семьи», что является чрезвычайно значимым в рамках советских культурных практик. Культура 1930-х гг. строилась на мифе о «большой семье». В атмосфере кризиса первого этапа сталинской модернизации, связанного с неудачами индустриализации, государство заменяет механистические символы 1920-х гг. символами «теплого» единства людей по аналогии с родственными узами традиционного общества (в концепции В. Паперного — культура-2) [см.: Паперный]. Как пишет К. Кларк, «государство уделяло особое внимание кровным родственным связям и представляло их как центральный символ социального благополучия. Руководители советского общества сделали «отцами»; национальные герои стали «сыновьями», а государство — «семьей» [см.: Кларк, 102]. Призыв к абсолютной преданности символической семье-государству не исключал, а использовал привязанность к реальной семье, оставляя приоритет за государством. Исторические исследования показывают, что всегда, когда идеология использует риторику единства народа и власти (например, во времена правления Николая 1), государство активно ищет пути укрепления обычной «атомарной» семьи, рассматривая ее как помощника государства. Новый год, сохраняя ауру приватного, домашнего праздника, в то же время позволял каждому слиться со всеми в общем переживании череды лет, вечном круговороте природных циклов, создавая иллюзию дистанцирования от плотного социально-идеологического давления. Этот праздник как никакой другой способствовал конституированию советского общества как одной большой семьи.

Таким образом, складывается «семейственность» государственного типа, поэтому «елка учреждается на государственном уровне как мероприятие

общественных детских учреждений. ...Формирование “традиции” происходит в считанные месяцы» [Адоньева, 2001, 52]. «Традиция» транслировалась сверху: были выпущены сборники сценариев для детских новогодних елок, сняты фильмы и мультфильмы, задающие образцы празднования. Например, коллективное празднование Нового года в клубе, на работе или во Дворце культуры у взрослых началось с выхода фильма «Карнавальная ночь» (см., например, документальный фильм Л. Парфенова «300 лет Нового года»).

Новый год в системе советских представлений о времени

Эти же обстоятельства способствовали смене хронотопа: в периоды после революции и в годы первых пятилеток ориентация была на настоящее или будущее, но «как только обществу предстали основатели рода, появился интерес к прошлому и его истокам» [Кларк, 106]. В это время делается ставка на фольклор, национальную и мировую классику, исторические романы.

Праздничные ритуалы всегда несут в себе концепцию времени, специфическим образом сочетая линейное (мирское) и круговое (священное) время. В традиционной культуре в праздничном ритуале человек заново переживает важнейшие события как неизменные, вечные, неотменяемые в своем значении для настоящего. Когда в культуре Нового времени начинает доминировать секулярное линейное время, представления о нем тоже закрепляются в праздниках, связанных с гражданской историей, творимой героическими личностями или народом. Такого рода праздники требуют постоянной подпитки актуальными значениями, так как сакральность светских событий нуждается в постоянном обосновании: она уже не может опираться на мифологическое или Божественное происхождение. Особенностью сталинской литературы была, по выражению К. Кларк, «модальная двойственность, создающая возможность для беспрепятственной переброски из реалистического дискурса в дискурс мифический или утопический» [Там же, 40].

Этот вывод вполне применим и ко всему советскому ритуальному комплексу. В культуре-2 складывается представление об «истории, превращающей современность в некое квазисакральное переживание того, что уже произошло в будущем (выделено автором, разрядка наша. — Авт.)» [Богданов, 9]. Таким образом, постоянно работает механизм по перекодировке светского в мирское, религиозного — в светское, будущего — в настоящее и прошедшее.

Новый год в этом отношении оказался для советского проекта очень подходящим праздником, так как в нем естественным образом сочетается прощание с прошлым (каждый год не похож на другой, старый год уже не вернется, в новом году будет все новое — и счастье, и планы, и успехи) с радостной надеждой на будущее. Не случайно, как утверждает Л. Парфенов, на детских утренниках Дед Мороз рассказывал о том, сколько стали выплавить в этом году и насколько быстрыми темпами мы движемся к коммунизму. Даже если в реальности один год был похож на другой, необходимо было продемонстрировать, что с каждым годом жить становится «лучше и веселее». Именно поэтому смена одного года другим становится столь важной для советской культуры.

Архаическая и традиционалистская компоненты советского Нового года

Праздник, по мнению А. Ф. Еремеева, — это ритуал, связанный с интенсификацией и концентрацией радости и удовольствия. Исследователь настаивает на том, что этот процесс необходимо описывать как «производство положительных эмоций, оптимальных состояний» [Еремеев, 189], фиксируя момент сознательного усилия архаического общества по достижению социально значимой цели. Таким важным результатом становится коллективное воодушевление, ощущение эйфории от причастности к всеобщему, опьяняющее чувство невероятных возможностей. В архаическом празднике «отдельный человек не подчиняется внешнему воздействию, не “загоняется” в вынужденное единство, но общие причины и принятые культурные способы реагирования на те или иные события неизменно приводили к согласованности и единообразию» [Там же, 189]. Таким образом, архаический праздник является самым эффективным способом достижения коллективного воодушевления вокруг идеи единства.

Многие исследователи отмечают, что тоталитарные культуры актуализируют архаические культурные комплексы, реставрируя и прагматически используя их колоссальный энергетический заряд для мобилизации. При этом главные двигатели архаического праздника — спонтанность и импровизационность — отвергались, а целью государственной праздничной политики было переключение регистра страха в эйфорию веселья. Знаменитая фраза «Жить стало лучше, жить стало веселее» была произнесена в разгар Большого террора, и на это же время приходится пик производства праздничности: музыкальных кинокомедий, сказок, шествий, парадов, карнавалов и других масштабных зрелищных ритуалов. Как пишет М. Рыклин, «крайним проявлением ужаса, возникающим в условиях Террора, было ликование [Рыклин, 2006]». Именно ужас давал «санкцию на нечто похожее на счастье» [Там же]. Взрыв «сталинской» карнавальности, согласно М. Рыклину, «обретает свою сверхзадачу в желании замкнуть народ рамками самодостаточной ликующей речи, которая отрицает принцип реальности и тем самым — террор. Освобожденный от неудобной, искалеченной материальности своего бытия, народ оказывается идентичен риторическому канону воображаемой нетленной народности» [Рыклин, 1982, 17]. Советский новогодний общественный праздник обязательно предполагает маскарадные костюмы, это организованный «сознательный» карнавал, формализующий и регламентирующий стихийность народного карнавала. Но, поскольку Новому году был оставлен и даже усилен его статус семейного праздника, в нем возникает легитимная возможность для импровизации и творчества в пределах частного пространства дома, дружеского круга.

Как календарный праздник, отмечающий ход природного времени, Новый год был единственным праздником, отсылающим к языческим обрядам. Поскольку атеистическая культурная политика отменила традиционные религиозные праздники, ставка делалась на язычество и фольклор как подлинные проявления народной культуры. Казалось бы, именно Новый год должен был обнаруживать в себе наибольшую концентрацию архаических и традиционалистских черт,

восходящих к аграрным культам древних славян. На самом деле архаический комплекс гораздо более развернуто представлен в общественно-политических мероприятиях, направляющих энергию толпы в идеологическое русло. Ритуалы советского Нового года вовсе не ориентированы на возбуждение коллективного бессознательного, сильных социальных эмоций энтузиастического плана, в них репрезентированы просветительно-дидактические коннотации, патриархальные установки; скорее всего, в нем наследуются рождественские аллюзии: «Каждый год, в покаянные дни Рождественского поста, советский человек вместе с родными и близкими, в темное время суток, через разделение ритуальной трапезы приобщается таинств Деда Мороза, а детей своих, почитая это своим родительским долгом, вводит в сакральный мир новогодней елки» [Адоньева, 2001, 62].

Чудесное, волшебное, сакральное советского Нового года

Новогодний ритуал непременно предполагает веру в чудесное если не в буквальном смысле слова, то на уровне символического переживания. Советский Новый год, пишет С. Б. Адоньева, — «единственная дата, которая ратифицировалась общественным атеистическим порядком как сакральное время, время чуда» [Там же, 59]. Наиболее допустимой формой чудесного в советской культуре постепенно признается сказка, реабилитированная к началу 1930-х гг. В опубликованном в 1933 г. перечне тем, подлежащих первоочередной разработке «в деле создания художественной и просветительской литературы для детей», Горький объявил сказку «прототипом» научной гипотезы и потребовал «призвать науку в помощь фантазии детей», чтобы научить детей «думать о будущем» [см.: Богданов, 86]. С. Маршак в числе важнейших задач детской литературы назвал создание «настоящей сказки», в которой будет «и действие, и борьба, и настоящая идея», потому что советские люди «вступили в состязание со временем, прокладывают пути в тех местах, где еще не ступала нога человека» [Там же, 87]. К середине 1930-х гг. под «здоровой и живой сказочностью» отныне предлагается понимать оправданное «умение превращать настоящую действительность в увлекательную сказку» [Там же, 89], так как в советском мире мечтать — значит быть настоящим реалистом. Сравнение советской действительности со сказкой тиражируется во все сферы культуры, происходит сближение волшебства и техники, допускается фантазирование, ограниченное научными законами.

Сказка становится необходимым и центральным атрибутом сценария новогоднего праздника. При этом мотив жизни как реализованной сказки присутствует в обязательном подведении итогов совокупной деятельности всех трудящихся страны, звучащем в речах первых лиц страны, в самоотчетах героев пятилеток, космонавтов, спортсменов, ученых — гостей новогоднего «Голубого огонька».

Структура детской новогодней сказки

В качестве репрезентативного материала для анализа были выбраны детские кинофильмы, специально изготовленные для празднования Нового года. Нас не интересовали сказки, снятые по мотивам традиционных фольклорных сюжетов вроде мультфильма «Двенадцать месяцев», в центре нашего внимания находится особый жанр советской волшебной сказки, в которой морфологическая основа сказочного повествования нагружается реалиями и символами советского образа жизни. Первое, что бросается в глаза при анализе выбранных новогодних сказок, — это высокая степень повторяющихся элементов. Все киносказки имеют похожие и ни о чем не говорящие названия: «Новогодняя сказка» (1972, реж. В. Дегтярев), «Новогоднее приключение» (1980, реж. Ю. Калишер), «Снежная сказка» (1959, реж. А. Сахаров) и т. д., у них множество сюжетных совпадений. Конечно, нет ничего удивительного в том, что в новогодних сказках участвуют Дед Мороз, Снегурочка, Снеговик, Старый год, Новый год, но, кроме этого, похожи и, казалось бы, разные герои-дети (в одинаковых шапках-ушанках, колпаках, коротких платьицах, шортиках). С одной стороны, это объясняется тем, что сказка — один из самых устойчивых типов фольклорного повествования, что позволило В. Проппу вычленить основные мотивы и сюжетные ходы мировых сказок. С другой стороны, соцреалистический дискурс тяготеет к общим местам в искусстве, клишированности и регламентированности художественного процесса. Попробуем разобраться с различиями между традиционными и советскими мотивами в сказочном повествовании.

Основная фабула строится на поиске пропавшего важнейшего новогоднего атрибута, без которого наступление Нового года оказывается под угрозой. Чаще всего в киносказках и в сценариях новогодних утренников недостает новогодней елки («Снеговик-почтовик», 1955, реж. Л. Амальрик; уже упомянутые «Новогодняя сказка» и «Новогоднее приключение»; «Новогоднее путешествие», 1959, реж. П. Носов; «Новогодняя ночь», 1948, реж. П. Носов); кроме этого, может не быть Снегурочки («Новогодние приключения Вити и Маши», 1975, реж. И. Усов); друга («Тимошкина елка», 1966, реж. В. Дегтярев); подарков («Когда зажигаются елки», 1950, реж. М. Пащенко); волшебных часов («Снежная сказка», 1959, реж. А. Сахаров). Для того чтобы ликвидировать недостачу, кто-то из героев отправляется в сказочный мир на поиски.

Мотив пропажи сакрального предмета уходит корнями в архаический мифолого-ритуальный комплекс, прежде всего в *о б р я д и н и ц и а ц и и*. Согласно концепции В. Проппа, структура волшебной сказки инициацией и определяется. Но дело в том, что детерминация будущим, встроенная в социализм, приводит к полному переосмыслению всех составляющих обряда перехода во взрослый статус. В традиционной сказке волшебный мир, куда попадают герои, — это сакральное царство могущественных предков, приобщаясь к которому посредством получения волшебной силы и даров, герои становятся взрослыми. В советской сказке, скорее, наоборот: дети уже владеют знаниями и навыками, воспитанными социалистической системой, позволяющими им побеждать

представителей сказочного царства; они взрослеют, оставаясь внутри детского возраста (например, «Сказка о Мальчише-Кибальчише»).

Для типичной советской киносказки характерна также инверсия волшебного. Настоящее волшебство в советском смысле слова — это и есть мир социализма, в котором невозможное становится возможным. Инициация детей происходит в волшебном мире, но он скорее всего играет роль полигона, на котором дети могут проявить свою сознательность. Поведение в сказочном мире напоминает ролевую игру с экстремальными правилами (типа «Зарницы»). Волшебный мир воспринимается детьми как «невзаправдашный». Оля («Королевство кривых зеркал») и Петя («Сказка о потерянном времени») уверены, что ни зеркала, ни собаки, ни нарисованные космонавты разговаривать не умеют. Наличие волшебных свойств характеризует исключительно плохих героев, дети-пионеры побеждают «иное царство» с помощью своих человеческих, а не сверхъестественных качеств. Итогом инициации является разрушение «иного царства».

Но в новогодних киносказках мы обнаруживаем существенные отличия от типичного советского канона. Фабула традиционной сказки (недостача — покидание героем дома — преодоление препятствий — бой с противником — получение желаемого — возвращение [см.: Пропп]) в новогодней сказке воплощается, если сравнивать с другими типами советских сказок, гораздо полнее. В сказочном лесу, кроме персонажей отрицательных, живет еще и Дед Мороз — персонаж, неизменно сохраняющий свое волшебное происхождение. Многочисленные случаи «разволшебствования» Деда Мороза (например, мультфильм «Дед Мороз и лето», 1969, реж. В. Караваев), одомашнивания его образа все-таки не стали преобладающей тенденцией. Сказочному пространству принадлежит и новогодняя елка, без которой пришествие Нового года невозможно. Таким образом, рушить сказочный мир никому и в голову не приходит. Противопоставление сакрального и профанного, обыкновенного и волшебного сохраняет в новогодней сказке свою устойчивость.

Другое отличие выражается в том, что наиболее успешными оказываются не те герои, которые верят исключительно в научный прогресс, а те, которые способны совместить «новое» и «старое». Так, показательно соревнование Деда Мороза и Лешего в сказке «Новогодняя ночь»: Леший демонстрирует самоходную печь, ковер-самолет, а Дед Мороз ему в ответ автомобиль и самолет. В итоге Леший признает победу Деда Мороза, соглашается, что его чудеса — «чудеснее», и готов отказаться от своих чудес, но Дед Мороз отвечает ему, что не стоит этого делать, потому что «сказка старая поможет сказку новую творить». Похожий синтез происходит и в «Новогодних приключениях Маши и Вити», где Маша выступает как знаток сказочных правил, а Витя — знатоком механики и техники.

Наконец, в новогодней сказке не совершается никакого качественного перехода, что является главным событием любой инициации. В данном случае не вполне работает схема анализа соцреалистического романа, предложенная К. Кларк: она доказывает, что основная фабула соцреализма — советская инициация, понятая как переход от стихийности к сознательности. Дети, прошедшие

через новогодние испытания, безусловно, выполняют функцию культурных героев, которые, например, возвращают людям солнце, тепло, свет, т. е. жизнь. Их цель — сделать Новый год наступившим, запустить ход времени с помощью недостающих атрибутов (золотых шишек, часов, Снегурочки и т. п.). Но в то же время дети не демонстрируют признаки приобретенной сознательности, героизма и других атрибутов поведения советских культурных героев. По своей функции в сказочном повествовании им присущи скорее характеристики помощников культурных героев, магических предметов, как они понимаются исследователями применительно к структуре традиционной сказки, где главным героем все-таки является молодой человек, а не ребенок.

Узнав о недостатке важного атрибута, герои отважно отправляются на его поиски. Персонажи-вредители, которые препятствуют реализации новогоднего праздника, чаще всего сами не понимают, что творят. Случается, что они руководствуются благими намерениями (Старый год в «Снежной сказке»), но неправильно осознают последствия, запутывают ситуацию (в «Снеговике-почтовике» лиса, волк и филин, украв письмо, думают, что Дед Мороз даст им курочку или ягненка, а не елку), иначе говоря, ведут себя как типичные трикстеры. Героической битвы с чудовищами и настоящими врагами новогодняя сказка не знает. Таким образом, страх оказывается беспочвенным, побеждает уверенность в завтрашнем дне, в том, что Новый год обязательно принесет с собой счастье и удачу. Приход Нового года на самом деле является ценностью для всех персонажей (возможно, кроме Старого года), но не все это осознают. Таким образом, необходимость преодоления недостачи носит у н и в е р с а л ь н ы й х а р а к т е р.

Ведущий лейтмотив новогодних сказок — страх перед опасностью остановки времени (вдруг Новый год не наступит? вдруг будущего не будет?). Именно этот мотив дает многообразие сюжетных ходов, заставляет героев пускаться в приключения, составляет пружину действия. Нам представляется, что для понимания скрытых смыслов советского Нового года анализ этого лейтмотива может многое прояснить, в нем ключ к важнейшим экзистенциальным проблемам советского человека.

Можно предположить, что в досоветской истории новогоднего праздника этого мотива не было. Скорее всего ответы надо искать в области аналогий между сказочными мотивами и советской повседневностью — продуктом сталинской модернизации. Советский человек уверен в завтрашнем дне и одновременно боится его непредсказуемости, от него требуется напряжение сил на уровне героического подвига, инициатива, находчивость и смелость, в то же время он инфантилен, постоянно ждет указаний, все время находится в ожидании, что все лучшее — впереди, от него как бы ждут выполнения лозунга «Время, вперед!».

Контекст празднования Нового года во всех рассмотренных киносказках к о л л е к т и в н ы й. В сказочный лес на поиски недостачи отправляется кто-то один или вдвоем, но ожидает их возвращения некая общность празднующих в школе, дворе, Дворце культуры. Коллектив празднующих — точка отсчета новогодних путешествий и приключений. Апофеоз — хоровод вокруг елки, вручение подарков от Деда Мороза. Это место, где реализуется праздничная

коллективная интенсификация радости, где сбывается самое заветное. Конечно, и на новогодней елке ты должен вести себя как пионер (октябренок, комсомолец, гражданин), но только здесь тебе разрешается верить в чудо в его изначальном смысле — как прорыв в повседневность «иного мира»: «И Новый год, что вот-вот настанет, исполнит вдруг мечту твою...» (песня из кинофильма «Чародеи»). Коллективное и радостное переживание чуда, вступление во взаимодействие с этим чудом в советской стране возможно единственный раз в году — во время новогоднего праздника-ритуала.

Итак, подведем итоги нашего анализа. Наиболее важными являются следующие моменты: коллективность празднования; непереносимая потеря и последующее обретение Нового года; реабилитация чудесного. Структура детского новогоднего ритуала является матрицей и для взрослого празднования. Новогодний ритуал, праздник с детским лицом, временно делает всех жителей СССР детьми, которые радуются елке, Деду Морозу и верят в чудо. Новый год — ритуал, который не предполагает перехода в абсолютно новое состояние, в нем представлена связь времен и поколений, старого и нового, повторения и развития. Он позволяет вновь и вновь воспроизводить устоявшийся порядок вещей. Можно предположить, что именно поэтому ритуал встречи Нового года, включая киносказки, остался и в постсоветское время. Сегодня Новый год и советское детство входят на равных в ностальгический комплекс.

Адоньева С. Б. История советской новогодней традиции // Категория ненастоящего времени. СПб., 2001.

Адоньева С. Б. Ритуал, он же — обряд. Разговор об определениях [2007]. URL: http://www.folk.ru/Research/adonyeva_ritual_2007.php (дата обращения: 21. 01. 2010).

Богданов К. А. Vox Populi. Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009.

Вахитов Р. Новый год — советский праздник. URL: <http://www.contr-tv.ru/common/2107/> (дата обращения: 20. 01. 2010).

Гольдштейн А. Расставание с нарциссом. М., 1997.

Душечкина Е. В. Дед Мороз и Снегурочка [2010]. URL: <http://www.snegovik.ru> (дата обращения: 20. 01. 2010).

Душечкина Е. В. Дед Мороз: этапы большого пути // Новое лит. обозрение. 2001. № 47. С. 253–262.

Душечкина Е. В. Легенда о человеке, подарившем елку советским детям // Русская елка. История, мифология, литература [2002]. URL: <http://www.snegovik.ru/> (дата обращения: 20. 01. 2010).

Еремеев А.Ф. Первобытная культура. 3-е изд. Ч. 2. Саранск, 1997.

Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 2004

Кларк К. Советский роман : история как ритуал. Екатеринбург, 2002.

Миллер Ф. Сталинский фольклор. СПб., 2006.

Паперный В. З. Культура Два. М., 1996.

Пропт В. Я. Морфология сказки. Л., 1928.

Рыклин М. К. От ликования к галлюцинации : постсоветские коллективные тела [2006]. URL: <http://topos.ru/article/4656> (дата обращения: 22. 01. 2010).

Рыклин М. К. Террорологии. М., 1982.

Статья поступила в редакцию 25.01.2010 г.